

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ЭТАЖОМ
ОШИБСЯ

Николай Эдуардович Гейнце
Этажом ошибся
Серия «Сцены из
петербургской жизни», книга 6

Аннотация

«– Колзаков!

– Хмыров!

– Какими судьбами?

– Проветриться приехал, плесень деревенскую стряхнуть.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

Раздались поцелуи...»

Николай Гейнце

Этажом ошибся

(правдивая история)

– Колзаков!

– Хмыров!

– Какими судьбами?

– Проветриться приехал, плесень деревенскую стряхнуть.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

Раздались поцелуи.

Так встретились на Невском два господина, один в меховом пальто и бобровом картузе, толстый брюнет с легкой проседью в длинной бороде, а другой шикарно одетый в осеннее пальто и цилиндр, блондин с тщательно расчесанными баками и в золотом пенсне на носу.

Полный брюнет был богатый помещик одной из приволжских губерний, первый раз приехавший в Петербург Петр Александрович Колзаков, а изящный блондин – отставной корнет Аркадий Осипович Хмыров, проживший на своем веку не одно состояние, и теперь, в ожидании наследства, живущий в кредит, открытый, впрочем, ему почти везде в широком размере. Сосед Колзакова, по бывшему своему имени, Хмыров, был с ним приятелем, но несколько лет

уже как совершенно потерял его из виду, продавши имение.

– Ну, как живешь? – спросил Колзаков.

– Ничего, надеемся, не унываем.

– Это хорошо!

– Женился...

– Ты?

– Да, с год, на француженке, парижанке, воплощенное изящество и грация. Впрочем, что же я расписываю, сам увидишь, зайдешь, чай. Ты надолго?

– Поживу.

– Так заходи.

– Всенепременно, на днях...

Хмыров сказал свой адрес, назвал одну из лучших улиц Петербурга, примыкающих к Невскому проспекту, близ Адмиралтейства, номер дома и квартиры.

– Да ты запиши.

– Запомню, я возвращусь к себе в гостиницу и сейчас же запишу.

Прятели расстались.

На другой день, часов около двух Петр Александрович нанял извозчика и отправился к Хмырову. Отыскав дом, он вошел в подъезд и обратился к швейцару.

– Квартира номер 12?

– Второй этаж, дверь направо.

Колзаков поднялся по лестнице и нажал пуговку электрического звонка.

– Дома? – спросил он у отворившей ему горничной.

– Дома-с.

Разоблачившись, Петр Александрович пришел в залу, затем в гостиную. Меблировка комнат была шикарна, но позолота мебели и багет страдали резкостью и аляповатостью.

В противоположной двери гостиной, через которую виднелся роскошный будуар, появилась изящная блондинка с красноватым цветом волос, одетая в роскошный пеньюар из легкой материи, сплошь обшитой кружевами, так что казалось, что его обладательница утопала в кружевных волнах. Картина была поразительная.

Петр Александрович онемел от восторга.

– Славную, однако, штучку подцепил Хмыров, – мысленно сказал он себе, глотая слюнки и церемонно расшаркиваясь с хозяйкой.

– Bon jour, – протянула та ему руку, причем откидной рукав дал ему возможность увидеть ее всю до плеча, – je ne m'en souviens pas.

Петр Александрович положительно захлебнулся.

– Prenez place, – указала ему хозяйка на табурет.

Колзаков уселся.

Красавица опустилась на близ стоящую кушетку, причем откинула шлейф пеньюара, и Петр Александрович увидел очаровательные миниатюрные ножки, обутые в ажурные чулки и шелковые голубые маленькие туфли.

Он сидел и млел.

– А супруг ваш дома? – наконец, решился он задать вопрос.

– Je ne comprends pas!

Оказалось, что хозяйка не понимала по-русски.

Колзаков же не понимал совершенно по-французски.

Наступило молчание, во время которого Петр Александрович положительно пожирал хозяйку глазами.

– Верно, его дома нет, тоже вертопрах, одна заря, чай, вгонит, другая выгонит, а ей одной бедняжке скучно: хотя и говорить с ней не могу, а все посижу, больно хороша, – думал Колзаков.

– Peut etre voulez vous un gobelet de champagne? – начала хозяйка.

Петр Александрович с недоумением смотрел на нее.

– Выпить, – перевела красавица и сделала жест около рта, причем показала восхитительный розовый локоток.

Колзаков понял и утвердительно закивал головой.

– Все за закуской посижу подольше, – подумал он.

– Денги! – вдруг протянула руку француженка.

Петр Александрович до того был поражен, что машинально вынул объемистый бумажник, развернул его и протянул ей.

Она осторожно вынула две радужных, причем, наклонившись к Колзакову, обдала его каким-то восхитительным ароматом, исходящим от ее тела сквозившего на груди через тонкую ткань кружев; у него закружилась голова.

Хозяйка, взяв ассигнации, исчезла в будуаре.

– Какой же подлец Хмыров: без денег жену оставляет, спросил бы вчера – я бы дал. Фонбаронство заело, гордость – на брюхе шелк, а в брюхе щелк. А она прелестна, и достанется же такое сокровище такому скоту. Приударить разве, да вот беда, по-ихнему не знаю...

В будуаре раздались легкие шаги, хозяйка появилась снова.

– Prends place ici, – указала она Петру Александровичу на место около себя на кушетке.

Ободренный Колзаков пересел, не веря своему счастью.

– Неужели будет успех! Только бы Хмыров не вернулся, – подумал он.

Через несколько времени на столе появилось замороженное шампанское.

Выпив несколько стаканов, Петр Александрович стал целовать у хозяйки руки и добрался до локотка.

* * *

Уже наступали сумерки, когда Петр Александрович, веселый и довольный выбрался из квартиры Хмырова.

На лестнице первого этажа ему встретилась какая-то изящная брюнеточка.

– Тоже штучка невредная! – прошептал он.

Вдруг перед ним как из-под земли вырос Хмыров.

– Ты откуда? – воскликнул тот.

– От тебя, брат, – смутился Петр Александрович, – недавно приехал, с женой твоей минут пять посидел, – премилая барынька.

– Как с женой? Она сейчас со мной из гостей приехала, вперед прошла, ты ее встретил?

– Это брюнетка, нет – то блондинка.

– Какая блондинка?

– У которой я был.

– В каком номере?

– В двенадцатом.

– Ну, я живу в четырнадцатом, этажом выше.

– Значит, я этажом ошибся, – развел руками Колзаков.

– Ишь, старый греховодник, да как удачно ошибся-то, куда попал! – расхохотался Хмыров.